

Рос. Вестн. - 1995. - 6 сен. - с. 3, МЕМУАРЫ

Каким был «соловей России»

Александр КРАВЦОВ

Сравнялся год, как мы живем без Ивана Семеновича Козловского. Автор этих дневниковых заметок дружил с ним, делал радиопередачи, выступал на творческих вечерах, писал о нем. Время изобретет множество легенд вокруг певца, которого при жизни называли «соловьем России». А вот каким он был.

Слушаем смонтированный эфирный вариант радиопередачи о Козловском. Иван Семенович, не снимая пальто с шалевым меховым воротником, сидит в маленькой аппаратной Дома звукозаписи на улице Качалова. В руках шапка-боярка.

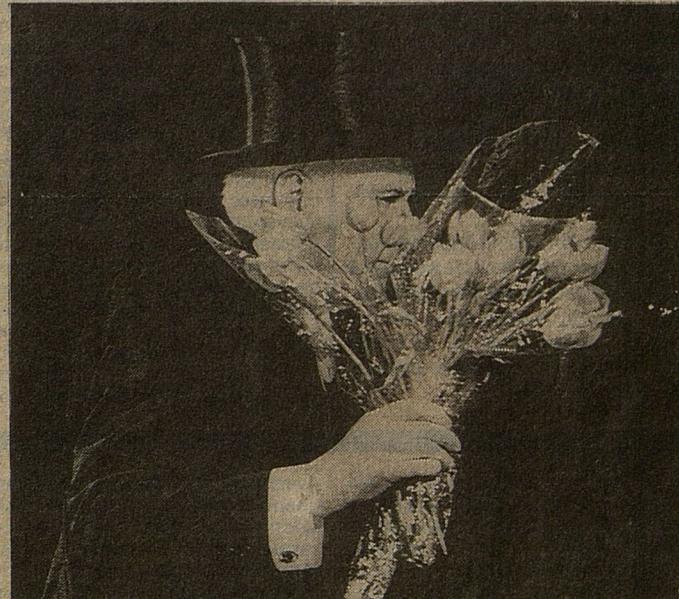
- Мы готовы. Можно включать...
- Подождите! - просит он. Опускает руки в шапку, точно ищет там что-то, отрешенно шепчет молитву. - Теперь - с Богом!..

Передача ему нравится. Ни слова не говоря встает, обходит всех - автора-режиссера, звукооператора, литературного и музыкального редакторов, - благодарно целует. Тихо уходит...

* * *

Увел меня с вечера в Центральном Доме актера. Сидим в фойе. Онглядит на сцену напротив кресел и говорит негромко и страстно:

- Нельзя нарушать природу искусства, как нельзя человеку приставить рога оленя или ухо свиньи! Опера - условность. Условно уже то, что мы в ней поем, а не говорим прозой или стихами. Отсюда - все законы: актерской игры, мизансцены, декораций, костюмов, реквизита. В прежней постановке «Бориса Годунова» струи знаменитого фонтана были имитированы светом. Красиво и бесшумно! Позже напустили в фонтан воды. Реализм! Струи падают с неким шумом. Оркестр и певцы звучат в другой тональности. Шум всем мешает, кроме тех, кому слон наступил на ухо. Все - плохо! Сюжеты тоже могут быть оперными или категорически чуждыми опере. «Данко» или «Макар Чудра» Горького - романтичны,

значит, оперны. «Повесть о настоящем человеке» - напротив. Сюжет обытывает хорошую музыку Прокофьева...

* * *

Николай Павлович Огнивцев, известный бас, солист Большого театра, рассказал мне:

- Козловский - опасный озорник. У меня - быстрое переодевание во время спектакля. Прибегаю в артистическую, стаскиваю штаны, прыгаю в другие, и вдруг - стоп! Ноги не пролезают... Иван обе штанины завязал узлом - чтобы зу-бами разгрыз! Подростками мы так озоровали на пляже. Называлось это «сухари навязывать». Так то - подростки луганские, а тут - народный артист, корифей. Я его побаивался всегда...

В ЦДРИ - вечер памяти замечательной певицы Марии Петровны Максаковой. Для участников за кулисами - кофе, вода, пирожные, бутерброды. Козловский пришел с термосом. У него там - свой кофе. Увидел меня, взял вторую чашку - угостить. Марк Осипович Рейзен протягивает руку к этой чашке. Коз-

ловский резко осаживает его: «Не тебе! Поставили казенный кофе - вот и пей!»

Затем - целый спектакль со злосчастным кофе. Иван Семенович наливает себе чашечку, накрывает пригласительным билетом и передает мне: «Это я выпью после выступления. Могу доверить только вам. Но не выпускайте из рук: Рейзен и Шпиллер нападут из-за угла, отнимут!»

Рейзен и Шпиллер сидят на сцене во время речи Козловского и негромко беседуют. Он слышит, замолкает. Зал, оценив ситуацию, добродушно смеется. Тогда Иван Семенович громко заявляет:

- Вот так - всю жизнь! Они и на сцене Большого театра ворковали за моей спиной...

Корифеи испытывают неловкость, с трудом делают вид, что не понимают, будто речь о них.

* * *

Выходим с ним после симфонического концерта из Большого зала консерватории. Козловский слушал из ложи, долго оставался там,

пока не вышел последний из слушателей. Затем взял меня под руку. Молча сошли в гардероб. Молча оделись.

На улице было слякотно, мелкая морось осыпала лицо. Козловский до глаз завернулся в свой знаменитый шарф - берег голос. Путь к дому недолог: через улицу Герцена, а там - второй дом по улице Неждановой. Но Иван Семенович сначала подходит к дверям центрального входа в Большой зал, прикасается к бронзовым ручке, что-то шепчет. Это - многолетний ритуал, его личный заговор с консерваторией. Наконец минует перекресток, и вдруг он вскрикивает: «Какое варварство! В тело живого дерева!» На дереве - табличка с данными о какой-то подземной коммуникации, прибитая огромным ржавым гвоздем.

Козловский пытается выдрать гвоздь голыми руками. Устает. Дергаю я. С трудом, искромсав железную табличку, в четыре руки вытаскиваем ненавистный гвоздь. Несколько прохожих наблюдают издали, но так и не подходят. А расплаканный Козловский не замечает, как сполз с лица и шеи заветный шарф. Я напоминаю ему об этом. Спохватившись, снова упаковывает лицо и грудь и рысцой бежит домой, позабыв проститься...

* * *

- Еду за Шаляпином, - говорит, сильно волнуясь. - В тридцатые годы в Париже он услышал мой голос по радио и похвалил публично, в интервью какой-то газете. Это было вдвойне радостно и удивительно. Ходила байка о том, что Шаляпин, рассуждая о мужских певческих голосах, будто бы сказал: «Лирический тенор? А это не голос - это физический недостаток!». И вдруг - похвалил мой лирический тенор!.. Когда Федор Иванович умер, мне разрешили поехать во Францию, на его похороны... А теперь, через много десятилетий, я буду сопровождать гроб с его телом из Парижа в Москву, на Новодевичье кладбище. Наконец исполнится его воля - быть похороненным на родной земле.